

А. А. Митрофанов
Государственный академический
университет гуманитарных наук, Москва

**НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ПЕРИФЕРИИ
НАПОЛЕОНОВСКОЙ ИМПЕРИИ:
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
И НАРОДНОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ
В ГЕРЦОГСТВЕ ПАРМСКОМ
(О КНИГЕ Д. П. ХАРСАНЬИ)**

Автор статьи анализирует книгу американской исследовательницы Дойны Паскуа Харсаньи «Французское правление в Пармском государстве 1796–1814. Работа с Наполеоном». В центре внимания этой исследовательницы две главные темы. Она анализирует процессы переноса французских государственных институтов на итальянскую почву, политической интеграции и аккультурации герцогств Парма, Пьяченца и Гвасталла, а также процесс формирования на их территории народного сопротивления французской оккупации. Исследование Харсаньи выполнено в ставшем уже классическим жанре регионального исторического исследования, результаты которого имеют значение и для общей итальянской истории. Автор книги полагает, что территория бывших герцогств, присоединенных к Франции (1808), стала лабораторией по разработке наполеоновской политики в Италии. Харсаньи показывает, как французские префекты в 1802–1814 гг. реализовывали на практике замыслы Наполеона по осуществлению реформ законодательства, административной, судебной, финансовой, военной и полицейской систем. Она указывает, что результаты такой политики имели в целом позитивное значение для этого небольшого государства. Особенно значительных успехов удалось добиться после подавления народного восстания в январе 1806 г. Сочетание «жесткой» и «мягкой» силы оказалось в итоге благом для небольшого итальянского государства, которое на протяжении 12 лет переживало период ускоренной модернизации. Как указывает Харсаньи, во многом такой результат был достигнут благодаря политическому и культурному диалогу, то есть сотрудничеству местных итальянских элит с наполеоновской администрацией. Ключевые слова: герцогства Парма, Пьяченца, Гвасталла, Италия, Наполеоновская империя, государственное строительство, народное сопротивление

Благодарности: Статья подготовлена в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект FZNF–2023–0003 Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории).

Цитирование: Митрофанов А. А. Новый взгляд на историю периферии наполеоновской империи: государственное строительство и народное сопротивление в герцогстве Пармском (о книге Д. П. Харсаньи) <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2024-1-57-431-448> // Французский ежегодник. 2024. Т. 57. С. 431-448.

Поступила в редакцию: 23.02.2024

Принята к печати: 11.03.2024

Andrey A. Mitrofanov
State Academic University
for the Humanities, Moscow

**A NEW LOOK AT THE HISTORY OF THE PERIPHERY OF
NAPOLEON'S EMPIRE:
STATE-BUILDING AND POPULAR
RESISTANCE IN THE DUCHY OF PARMA
(ON THE BOOK BY D. P. HARSANYI)**

The author of the article reviewed the Doina Pasqua Harsanyi's book *French Rule in the States of Parma, 1796-1814. Working with Napoleon*. The author of this monograph focuses on two main issues. She analyzes the processes of transfer of French state institutions to the Italian soil, political integration, acculturation and formation of popular resistance on the territory of the duchies of Parma, Piacenza and Guastalla. Harsanyi's study is carried out in the classic genre of regional history research, the results of which have implications for general Italian history. According to the author of book, the territory of the former duchies annexed to France (1808) became a laboratory for the development of Napoleonic policy in Italy. Harsanyi shows how French prefects implemented Napoleon's plans for legislative, administrative, judicial, financial, military, and police reforms between 1802 and 1814. She points out that the results of these

policies were generally positive for this small state. The combination of hard and soft power was ultimately a boon for the small Italian state, which had been undergoing a period of accelerated modernization for twelve years. As Harsanyi points out, this outcome was largely due to political and cultural dialogue, that is, the cooperation of local Italian elites with the Napoleonic administration.

Keywords: Duchies of Parma, Piacenza, Guastalla, Italy, Napoleonic Empire, state-building, popular resistance

Acknowledgements: The study is realized in the State Academic University for the Humanities within the framework of the state task of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project FZNF-2023-0003 Traditions and values of society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history).

Citation: Mitrofanov, A., (2024). *Novyĭ vzgliad na istoriiu periferii napoleonovskoi imperii: gosudarstvennoe stroitel'stvo i narodnoe soprotivlenie v gertsogstve Parmskom (o knige D. P. Kharsan'i)* [A new look at the history of the periphery of Napoleon's empire: state-building and popular resistance in the Duchy of Parma (On the book by D. P. Harsanyi)]. <https://doi.org/10.32608/0235-4349-2024-1-57-431-448>. *Annual of French Studies*, 2024, vol. 57, p. 431-448.

Как отметил известный исследователь наполеоновской эпохи Александр Граб: «Имперское правление Наполеона в Европе было подобно двуликому Янусу, сочетая реформы и инновации с подчинением и эксплуатацией. Реформы и эксплуатация были тесно связаны между собой. Наполеон начинал изменения в подвластных ему государствах, чтобы получить возможность повысить эффективность призыва в армию и увеличить государственные доходы»¹. Прагматичное использование ситуаций на оккупированных и присоединенных территориях, а также в государствах-сателлитах, по мнению большинства современных исследователей, – это отличительная черта наполеоновской политики. При этом специалисты по итальянской истории подчеркивают, что формирование ее принципов относится уже к периоду Первой Итальянской кампании Бонапарта 1796–1797 гг. И необходимо признать, что итальянское население более, чем прочие народы Европы, ощутило на себе и жесткую, и мягкую силу французского постреволюционного империализма.

¹ Grab A. *Napoleon and the Transformation of Europe*. Basingstoke, N. Y., 2003. P. 19.

Основные тенденции в изучении истории Италии эпохи Наполеона в самом широком смысле сегодня определяются тем вектором, который был задан еще в 1970-х – 1990-х гг. С. Вульфом, К. Дзаги, К. Капррой, А. Грабом, Дж. Дэвисом и М. Броэрсом². Сначала такое изучение шло в рамках поиска истоков Рисорджименто, затем в русле исследования государственных институтов наполеоновской эпохи в Италии 1800–1814 гг. Принципиальным отличием современной историографии наполеоновской Италии является концентрация внимания историков на вопросах демонстрации Старого порядка, формирования имперских институтов и использования французского опыта управления в различных сферах, а не на вопросах национального строительства. Большое внимание уделяется также истории Инсордженцы – народного антиреволюционного сопротивления конца 1790-х – 1800-х гг.³

Изучение периферийных регионов Наполеоновской империи в качестве примеров интеграционной и ассимиляционной политики продолжается уже на протяжении нескольких десятилетий. Например, с 1990-х гг. эту тему активно разрабатывает английский историк Майкл Броэрс. В своих многочисленных трудах он показывает, насколько сложным и многофакторным был процесс французской экспансии и государственного строительства в итальянских землях в 1796–1814 гг. Особое внимание Броэрс уделяет регионам Северной и Центральной Италии в противовес традиционному подходу, в рамках которого особенно пристально из-

² *Broers M.* The Police and the Padroni: Italian Notabili, French Gendarmes and the origins of the Centralized State in Napoleonic Italy // *European History Quarterly*. 1996. Vol. 26. P. 331–353; *Idem.* Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1773–1821: State Building in Piedmont. Lewiston, N. Y., 1997; *Capra C.* L'età rivoluzionaria e napoleonica in Italia 1796–1815. Torino, 1978; *Davis J. A.* Naples during the French “decennio”: a problem unresolved? // *Villes et territoire pendant la période napoléonienne (France et Italie)*. Rome, 1987. P. 327–354; *Idem.* The impact of French rule in the Kingdom of Naples (1806–1815) // *Ricerche storiche*. 1990. № 20. P. 367–407; *Idem.* The Mezzogiorno and Modernization: changing Contours of Public and Private during the French Decennio // *Fra storia e storiografia: Scritti in onore di Pasquale Villani*. A cura di P. Macry and A. Massafra. Bologna, 1994. P. 691–708; *Grab A.* From the French Revolution to Napoleon // *Italy in the Nineteenth Century*. Ed. by J. A. Davis. Oxford, 2000. P. 25–50; *Idem.* State Power, Brigandage and Rural Resistance in Napoleonic Italy // *European History Quarterly* 1995. Vol. 25. P. 39–70; *Woolf S. J.* A History of Italy 1700–1860: The Social Constraints of Political Change. London, 1979; *Villani P.* «Il decennio francese» // Rao A. M., Villani P. Napoli 1799–1815: Dalla repubblica alla monarchia amministrativa. Napoli, 1995. P. 179–298; *Zaghi C.* L'Italia di Napoleone dalla Cisalpina al Regno. 2 vol. Torino, 1986.

³ *Agnoli F. M.* Guida introduttiva alle Insorgenze Contro-Rivoluzionarie in Italia durante il dominio napoleonico (1796–1815). Milano, 1996; *Folle controrivoluzionarie: Le insorgenze popolari nell'Italia giacobina e napoleonica* / A cura di A. M. Rao. Rome, 1999; *Viglione M.* Rivolte dimenticate. Le insorgenze degli italiani dalle origini al 1815. Roma, 1999.

учались Цизальпинская (Итальянская) республика, Итальянское и Неаполитанское королевства⁴. Броэрс сумел применить методологические подходы таких разных исследователей как Стюарт Вульф и Ричард Кобб к итальянскому материалу и перейти к компаративистике, проведя сравнительный анализ ситуации в Италии, Испании и в самой Франции⁵.

По мнению А.-М. Рао, современные исследования по итальянской истории 1796–1814 гг. не претерпели больших изменений ни в тематике, ни в сюжетах по сравнению с работами второй половины XX в. Но они существенно отличаются от них в методологическом отношении и в том, какие вопросы задаются источникам. Главное же изменение состоит в том, что ни революционная, ни наполеоновская Франция более не рассматриваются историками как образец и ориентир, которому подражали те государственные образования, которые существовали на территории Италии рубежа XVIII–XIX вв.⁶ Кроме того, исследователи более не ограничиваются вопросами политической централизации и организации власти на местах. В современных работах акцент, как правило, делается на изучении социальных пространств, практик социального контроля, а также на изучении мобильности и разных форм идентичности, предпринимаются попытки реконструировать те возможности, которые открывались перед индивидуумами и социальными группами при налаживании отношений с новой властью. Вместе с тем изучение переходного периода от XVIII к XIX в. больше не сводится к исследованию вопросов происхождения нации, буржуазии и «административного» типа государства. Пришло также осознание и того факта, что наполеоновское правление оставило в Италии глубокий след, который правительства эпохи Реставрации не только не могли, но и подчас вовсе не желали стереть полностью⁷.

Политическая раздробленность, разбросанность архивов и библиотек, разнообразие ситуаций в регионах и локальных дискурсов элит, а также ярко выраженный регионализм долгое время пре-

---

⁴ *Broers M. Centre and Periphery in Napoleonic Italy: The Nature of French Rule in départements réunis, 1800–1814 // Collaboration and Resistance in Napoleonic Europe. Ed. by M. Rowe. Basingstoke, 2003. P. 55–73; Idem. The Napoleonic Empire in Italy 1796–1814. Cultural Imperialism in a European Context? Basingstoke, 2005.*

⁵ *Idem. The Napoleonic Mediterranean. L.; N. Y., 2017.*

⁶ *Rao A.-M. Napoleonic Italy: old and new trends in historiography // Napoleon's Empire European Politics in Global Perspective / Ed. by U. Planert. Basingstoke, N. Y., 2016. P. 84–97, 91–92.*

⁷ *Ibid. P. 92.*

пятствовали созданию общей истории итальянского полуострова этого периода. Важные обобщающие работы Карло Капры и Стюарта Вульфа появились только в 1970-х гг., и лишь сравнительно недавно вышел в свет обзор политической истории Италии при Наполеоне, подготовленный Антонино Де Франческо, и «Критический словарь наполеоновской Италии» под редакцией Луиджи Машили-Мильорини⁸.

Наполеоновский период в Италии разрабатывается современной историографией в двух направлениях: модернизационном и колониальном. Оба характеризуются тем, что авторы пытаются разобраться с природой французского правления 1800–1814 гг. в итальянских землях, оценивая его и прогрессивные, и негативные аспекты. Историки, фокусирующие взгляд на модернизационных процессах, склонны преувеличивать позитивные результаты французского правления для итальянских государств, связывая наполеоновскую имперскую интеграцию с истоками Рисорджименто и показывая, как осуществлялся в Италии переход к обществу модерна. В последние десятилетия стало доминировать другое направление, которое можно назвать колониальным. Исследователи, и, прежде всего, Броэрс, основываясь на идеях востоковеда Э. Саида и антрополога Н. Вахтеля, на примерах различных итальянских государств начала XIX в. показывают, что Наполеоновская империя была порождением войны, государством, управляемым только силой, как «жесткой», так и «мягкой», но исключительно в интересах самой Франции. Сама же система такого управления была по своей сути колониальной.

В такой историографической конфигурации особое значение приобретают региональные исследования, авторы которых сосредотачиваются на анализе ситуации в малых и средних государствах при французском господстве в Италии. Американская исследовательница из университета Мичигана Дойна Паскуа Харсаны провела масштабное исследование по истории Пармского герцогства в годы наполеоновского завоевания. Итогом ее работы стала монография «Французское правление в Пармском государстве 1796–1814 гг. Работа с Наполеоном»⁹, которая развивает традиции,

⁸ *Francesco de, A. L'Italia di Bonaparte. Politica, statualità e nazione nella penisola tra due rivoluzioni, 1796-1821.* Torino, 2011; *Italia Napoleonica: Dizionario critico.* A cura di L. Mascilli Migliorini. Torino, 2011.

⁹ *Harsanyi D. P. French Rule in the States of Parma, 1796–1814. Working with Napoleon.* L., 2022.

заложенные еще С. Вульфом¹⁰. Для нас исследование Харсаньи интересно тем, что она предприняла попытку комплексного осмысления достижений итальянской историографии данного региона за последние сто лет и, опираясь на широкую архивную базу, предложила новый взгляд на хорошо известные проблемы, в частности, на народное сопротивление наполеоновскому государству и поведение местных элит в условиях французской оккупации.

Д. П. Харсаньи использует широкий спектр источников: материалы фондов Государственного архива Пармы, Государственного архива Пьяченцы, Национального архива Франции, Архива Министерства иностранных дел Франции, Архива Министерства обороны Франции, различных библиотек Италии.

Наполеоновский период в Парме привлекает не слишком много внимания по сравнению с соседними Лигурией, Тосканой или Королевством Италия. Пармские историки склонны рассматривать французскую оккупацию как переходный период между временами правления Бурбонов и герцогини Марии Луизы. В общих обзорах наполеоновской эпохи в Италии обычно эта территория, аннексированная Империей в 1808 г., упоминается только вскользь. В силу ряда международных договоренностей Парма уже с 1802 г. превратилась в лабораторию для политических экспериментов, отмечает Харсаньи. Французские администраторы колебались между осторожной политикой и интенсивными схемами ассимиляции, что заставляло всех ответственных лиц, а порой и самого Наполеона, глядя на пример Пармы, импровизировать и переосмысливать ключевые элементы всей имперской программы. В этих обстоятельствах, полагает историк, «для представителей Наполеона на местах, самым сложным было не подавление восстаний и навязывание французского порядка, а поиск баланса между выполнением своих обязанностей по поддержанию правопорядка и верностью прогрессивной идее управления, которая только и оправдывала их право изменять жизнь тех людей, которых они никогда не видели» (С. 6).

Автор монографии так формулирует свою основную цель: «оценить местную способность к самоорганизации и определить

---

¹⁰ См., например, рецензию на эту книгу Питера Хикса: *Hicks P. Doina Pasca Harsanyi. French Rule in the States of Parma, 1796-1814. Palgrave Macmillan, London, 2022 // Napoleonica the journal. 2022. Vol. 1. Issue 1. (September). P. 171-175. Электронный ресурс: <https://www.cairn-int.info/journal-napoleonica-the-journal-2022-1-page-171.htm> (Дата обращения: 20.03.2024).*

стратегии, которые жители Пармы использовали для того, чтобы извлечь выгоду из политики, проводимой в Париже не всегда с учетом их интересов» (С. 7). При этом Харсаньи делает оговорку, что строит свое повествование на основе анализа «двойной оптики», то есть приводит мнения по разным проблемам и наполеоновских чиновников, и граждан Пармы, уделяя основное внимание процессу сотрудничества элит.

***

В первые годы XIX в. герцогства Парма, Пьяченца и Гвасталла довольно нелепо смотрелись на окраинах тех итальянских регионов, где уже доминировали французы. Небольшое государство площадью около 6 000 км² и населением немногим более 420 000 человек, расположенное между Пьемонтом, Ломбардией, Генуей и Тосканой, перешло от Габсбургов к Бурбонам еще в 1731 г. По условиям Базельского мирного договора 1795 г. герцогства отдавались под опеку Испании. В 1796 г., когда Франция начала Первую Итальянскую кампанию, Парма переживала период консервативной реставрации, резко контрастировавшей с реформами, проводившимися в Ломбардии и Тоскане. Стремясь обеспечить нейтралитет Испании, Директория Франции приказала Бонапарту воздерживаться от вмешательства в политический процесс в Парме¹¹. Именно поэтому эта небольшая монархия почти целиком сохранилась в бурный период «революционного трехлетия» и не превратилась в очередную «дочернюю республику»¹². Герцог Фердинанд оставался на своем троне до самой смерти в 1802 г.

В октябре 1802 г. Наполеон назначает первого в Пармских землях французского генерального администратора – Медерика Луи Моро де Сен-Мери, который должен был провести реформы по французскому образцу, не затрагивая на этом этапе традиционные институты и существующую общественную иерархию (С. 53–54). Но такое положение вещей оказалось недолгим. В декабре 1805 г. в горных деревнях вокруг города Пьяченца вспыхнуло восстание. Власти бы-

¹¹ См.: *Benassi U.* Storia di Parma da Pier Luigi Farnese a Vittorio Emmanuele II (1545–1860). Parma, 1907; *Montagna L.* Il dominio Francese a Parma 1796–1815. Piacenza, 1926; *Paltrinieri V.* I moti contro Napoleone negli Stati di Parma e Piacenza (1805–1806). Con altri studi storici. Bologna, 1927.

¹² Небольшая часть Пармского государства – герцогство Гвасталла, несмотря на указания Директории, была отторгнута генералом Бонапартом в 1796 г. и перешла под прямое французское управление. В 1806 г. оно было включено в состав Итальянского королевства. В связи с этим обстоятельством Харсаньи не рассматривает эту территорию в своем исследовании.

ли ошеломлены. Спустя всего несколько дней после победы под Аустерлицем группы крестьян осмелилась подняться под звуки набата, чтобы испытать на прочность волю французского государства и его армии. Хотя это было единичное событие, бурное народное восстание заставило имперских администраторов и самого Наполеона обратить внимание на эту периферийную территорию (С. 77–106).

Восстание в Пьячентино охватило большие сельские территории, затронув также владения бывшей Лигурийской республики и угрожало перекинуться на территории Итальянского королевства. Французские власти в Парме были совершенно не готовы к такому повороту событий, мэры сельских коммун и комиссары на местах спасались бегством от разъяренных крестьян. (С. 83–85). Судя по документам, которые анализирует Харсаньи, главной причиной народного недовольства стал призыв в национальную гвардию и в действующую армию. Если быть более точным, то изначально речь шла о наборе в Парме и Пьяченце 12 000 добровольцев – национальных гвардейцев для направления в резервный лагерь между Болоньей и Моденой. Соответствующий указ был опубликован Э. Богарне в конце ноября 1805 г. (поскольку волонтеров в самом Итальянском королевстве найти было крайне сложно). Вице-король предполагал, что в землях, где еще нет всеобщей воинской повинности, набор будет происходить гладко (С. 79, 81). Как полагает Харсаньи, при этом произошла путаница: крестьяне полагали, что их сыновей забирают в действующую армию и сопротивлялись всеми силами. Харсаньи приводит множество архивных свидетельств, которые подтверждают ее гипотезу о том, что в сельских районах местные власти никак не противодействовали повстанцам, снабжали их продовольствием и всем необходимым, а сам генеральный администратор Моро де Сен-Мери пребывал в замешательстве, приукрашивал ситуацию и даже задерживал отправку депеш вышестоящему начальству (С. 91, 94). Тем временем губернатор Генуи Лебрен и вице-король Э. Богарне направили в район восстания войска. К операции присоединился и генерал Мену – управлявший военной и гражданской администрацией Пьемонта. Принимал участие в расправе над восставшими также и генеральный инспектор жандармерии Раде. Общими усилиями к середине января восстание было подавлено, а военную администрацию в Парме возглавил прославленный генерал Андош Жюно, который и приступил к организации репрессий против повстанцев.

Как указывает Харсаньи, восстание декабря 1805 – января 1806 гг. выявило множество уязвимых мест в имперской системе, но уже в краткосрочной перспективе это сделало французскую административную машину более понятной и удобной (С. 137-140). И только в 1806 г., то есть в период военного управления, французам и пармским элитам удалось прийти к некоему компромиссу, который хорошо вписывается в известную концепцию наполеоновской политики «примирения» (*réconciliation*) и «сплочения» (*ralliement*). Восстание, полагает Харсаньи, доказало, что «одновременно находиться и в паутине Франции, и вне ее, не является приемлемым решением в условиях централизованной империи» (С. 2). В Париже отказались от прежней схемы управления этой территорией и приняли меры по ускоренному ее преобразованию во французский департамент. В мае 1808 г. новый департамент Таро был включен в состав Французской империи (С. 241).

Впредь жители Пармы и Пьяченцы проявляли строгий прагматизм в отношениях с имперскими властями. Осторожно полемизируя с М. Броэрсом, Харсаньи показывает, насколько успешной и удачной была имперская политика на местном уровне благодаря талантливому и педантичному французским бюрократам и стремлению к сотрудничеству региональных элит. На смену Моро де Сен-Мери из Парижа был направлен Юг Нардон – новый гражданский администратор с полномочиями префекта. Но вплоть до официального присоединения Пармы к Франции в мае 1808 г. Нардон должен был отчитываться в своих действиях перед генерал-губернатором Жюно (С. 163, 207).

Институциональная инфраструктура осталась неизменной, лишь несколько модификаций произошли в системе правосудия: с повышением статуса города Пармы до столицы департамента функции уголовных судов Пармы и Пьяченцы объединились в общий высокий суд, расположенный в Парме. Благодаря кадровой преемственности – а большинство чиновников и судей все же рекрутировалось из числа местных элит – изменения происходили «почти незаметно» (С. 241). Реорганизация дала право направить в Законодательный корпус в Париже шесть депутатов. «Список депутатов представлял собой микрокосм традиционной элиты, людей, которых граждане привыкли видеть на заметных местах независимо от политических потрясений, революций и вторжений», замечает Харсаньи (С. 242).

Миссия Нардона продолжалась до августа 1810 г. На его место Наполеон назначил более молодого бюрократа, барона Дюпон-Дельпорта. Своей главной задачей тот считал «завоевание умов и сердец», для чего умело дистанцировался от политики Нардона, не меняя ее по существу. Призыв в армию, самая ненавистная из французских повинностей, продолжался, но стал несколько легче после того, как Дюпон-Дельпорт отменил практику военного постоя, объявив ее «посягательством на священное жилище», а ответственность за уклонение от призыва была отныне возложена на местных судей, которые сообщали министру юстиции обо всех правонарушениях, связанных с призывом в армию, а также и о попустительстве в данном вопросе со стороны местных администраторов и мэров (С. 243-244). Снижение цен на несколько основных товаров в 1810 г. призвано было уравновесить строгость имперской налоговой системы, которая также не изменилась. Именно на 1810 г., как полагает Харсаньи, приходится и завершение интеграции Пармы в систему Континентальной блокады.

В административном и экономическом отношении департамент Таро оказался в подчиненном положении по отношению к Генуе, что делало невозможным проведение автономной хозяйственной политики в регионе. У Нардона и Дюпон-Дельпорта было мало возможностей для маневра и недостаточно времени, поскольку их начальство (из Генуи и из Парижа одновременно) ежедневно рассылало инструкции, определявшие программу действий для департамента, и вмешивалось в управление каждым сектором экономики так же, как и в вопросы сбора налогов (С. 166–169).

Таким образом, модернизация региона была успешной только в административном плане и отчасти в сфере культуры. Экономические результаты французского правления выглядели неравномерными и нестабильными. Государственная поддержка предпринимателей на местном уровне не обеспечивала успеха. Выращивание табака и индиго провалились, возделывание хлопка не дало ожидаемых результатов, как и производство сахарной свеклы. Военная экономика препятствовала реализации разных перспективных идей: производство шерсти овец-мериносов из-за масштабных реквизиций для французской армии быстро заглохло. В то же время в Парме выросло производство шелковых тканей (в большой степени из-за протекционистских мер французского правительства в пользу лионских фабрик, а также упадка торгов-

ли и производства шелка в других итальянских регионах, например, в Итальянском королевстве). Как показывает Харсаньи, негативно влияли на местную экономику таможенные пошлины. Экспортные расходы нарушили традиционные маршруты торговли популярными сортами вина и сыра, мешали продажам и новых товаров. В гораздо большей степени, чем до начала французского правления, развивалась контрабанда. (С. 245–246).

Историк начала XX в. У. Бенасси заявлял, что «время Дюпон-Дельпорта было лучшим периодом французской администрации». Столетие спустя П. Феличиати назвал правление этого префекта «счастливым, по крайней мере, внешне»¹³. В этом вопросе Харсаньи соглашается с итальянскими коллегами, отмечая, что главной заслугой Дюпон-Дельпорта было создание образа «доброй отеческой администрации», чего не удалось сделать его предшественникам (С. 247). В целом итальянские историки весьма положительно оценивали значение наполеоновского периода для Пармы, особенно отмечая быстрые темпы создания новых институтов, централизацию бюрократического аппарата, введение единообразия и ясности в сфере законодательства, отбора чиновников в соответствии с их компетенцией и заслугами (С. 251).

В феврале 1814 г. Парму заняли австрийские войска. Все иностранцы были немедленно изгнаны из органов государственной власти. Герцогства были переданы во владение дочери императора Франца и второй супруге Наполеона Марии Луизе. Население безучастно наблюдало за переходом от французского к австрийскому правлению «с невозмутимостью зрителей, привыкших к частой смене декораций». «Подводя итог, – заключает Харсаньи, – можно сказать, что в политической лаборатории Пармы-Пьяченцы превратности французской администрации выглядят как пример приспособления к внешним обстоятельствам, пример проницательной ориентации на местные цели и свободы от эмоциональных привязанностей. Не успел последний французский префект, преследуемый новыми победителями, исчезнуть из виду, как все общество, от патрициев, занимавших высокие имперские должности, до деревенских жителей, только что освободившихся от ужасов воинской повинности, забыло и его, и могущественную империю, которую он представлял» (С. 253). По мнению американской

¹³ *Benassi U.* Op. cit. P. 189; *Feliciati P.* Arrivano i Francesi! Gli stati parmensi dal 1795 al 1814 // *L'Osessione della memoria. Parma settecentesca nei disegni del conte Alessandro Sanseverini.* A cura di M. Dall'Acqua. Parma, 1997. P. 32.

исследовательницы, Реставрация в Парме проводилась австрийцами осторожно и имела форму не разрушения наполеоновского порядка, а «его дополнения и продолжения». В апреле 1816 г. Мария Луиза прибыла в Парму и начала управлять страной, в которой от эпохи Бурбонов осталось только название.

Автор сочетает в своем исследовании различные методики и подходы. Так, в духе работ С. Вульфа, М. Броэrsa и А. Граба она обращается к сложной теме аккультурации в итальянских землях, к которой прибегали французские власти на протяжении всего времени своего господства. На уровне городов Пармы и Пьяченцы Харсаньи показывает, как этот процесс протекал в годы относительно спокойные (до восстания 1805 г. и после 1808 г.) и в годы работы военной администрации 1806-1808 гг. Если Моро де Сен-Мери действовал без какой-либо программы и системы, то с 1806 г. Нардон, генерал Жюно, а затем Дюпон-Дельпорт использовали уже все те методы, которыми располагал имперский аппарат, будь то в части репрессий, подбора кадров, организации светских мероприятий, образования, театральных представлений, празднеств и т.д. Но поскольку речь шла только о простом применении известных уже моделей, тезис Харсаньи о том, что Парма превратилась в своеобразную «лабораторию» имперской политики (С. 6, 253) выглядит, на наш взгляд, некоторым преувеличением. В 1806 г. и позднее здесь применялись все те методы, которые были уже хорошо известны и с которыми были прекрасно знакомы итальянские элиты. Стоит отметить и различия. Если в 1796–1802 гг. французы в других регионах еще активно прибегали к республиканской пропаганде в революционном духе и республиканской политике аккультурации, то в Парме и Пьяченце французская администрация по понятным причинам уже не могла использовать аналогичные методы.

Определенной лакуной остается в истории Пармской области вопрос о положении церкви. С одной стороны, Харсаньи констатирует, что после 1806 г. политика Парижа в этом отношении была твердой и жесткой (монастыри закрывались, церковь лишилась имущества, монахи оказались без средств к существованию), с другой стороны, детально не раскрывает вопрос о реакции на нее населения и элит (С. 114–118). Можно предположить, что местное крестьянство, как и в других регионах Италии, относилось к антицерковной наполеоновской политике отрицательно, как это про-

демонстрировал в своем исследовании о религиозной политике в Италии начала XIX в. М. Броэрс¹⁴.

Как уже отмечено, красной нитью через все исследование Харсаньи проходит тема организации военного призыва. Именно она, по мнению автора монографии, позволяет в полной мере понять и объяснить наполеоновскую модель управления присоединенными к Франции территориями. Первые попытки организации рекрутских наборов 1805–1806 гг. в пармских землях были крайне неудачными и стали важнейшим фактором начала масштабного народного сопротивления, а впоследствии фактором развития сельского бандитизма. В этот период ведущую роль в организации военного призыва в Парме и Пьяченце принадлежала не столько главе местной администрации, сколько вице-королю Итальянского королевства Эжену Богарне. Даже учреждение в феврале 1806 г. военной администрации во главе с Жюно не слишком быстро изменило ситуацию. Ни Жюно, ни префект Нардон не смогли в полной мере обеспечить нужное количество призывников (С. 78–81, 169–175). Это наблюдение Харсаньи не везде подкрепляется данными статистики, но его не стоит подвергать сомнению: практически во всех итальянских регионах в 1802–1814 гг. картина была почти идентичной, отличалась она только количеством уклонистов и дезертиров¹⁵. Меры по обеспечению призыва выглядели вполне традиционно: розыски и аресты беглецов, суровые уголовные наказания, преследования родственников уклонистов, постой солдат в частных жилищах и сельских коммунах за счет жителей (только в 1810 г. практика постоя, разорительная для крестьян, была отменена) (С. 242).

Как показывает Харсаньи, имперский департамент Таро вплоть до 1814 гг. находился в ситуации двойного и даже тройного военно-административного и политического подчинения Парижу, Милану и Генуе. В период военной администрации 1806–1808 гг. пармский префект не располагал какой-либо свободой действий. В связи со всем этим возникает и закономерный вопрос, насколько вообще можно называть, пусть и метафорически, как это делает

¹⁴ Broers M. *The Politics of Religion in Napoleonic Italy. The War against God, 1801–1814*. N. Y., 2002.

¹⁵ О ситуации в других регионах Италии см.: Frasca F. *La conscription dans les départements piémontais de l'Empire français (1800-1810)* // *Mélanges de l'École française de Rome. Italie et Méditerranée*. 1990. Т. 102. №1. P. 211-221; Grab A. *Army, State, and Society: Conscription and Desertion in Napoleonic Italy (1802-1814)* // *The Journal of Modern History*. 1995. Vol. 67. № 1. P. 25-54; Della Peruta F. *Esercito e società nell'Italia napoleonica*. Milano, 1988.

Харсаньи, префектов департамента Таро «императорами в миниатюре». В условиях жесткой централизации и двойной-тройной отчетности эти функционеры вынуждены были действовать осторожно и в соответствии с инструкциями. Это чрезвычайно контрастирует с той картиной, которую историки наблюдают, например, в наполеоновских Пьемонте и Генуе, где местные власти (генеральный администратор, губернатор, префекты и др.) все же располагали широкими политическими, финансовыми, полицейскими полномочиями, а сам государственный аппарат, выстроенный по французскому образцу, работал более исправно и слаженно, чем в Парме. Не в последнюю очередь так произошло потому, что французы очень рано начали активно привлекать к управлению пьемонтские и генуэзские элиты, значительную часть которых составляли умеренные республиканцы и даже радикальные революционеры. В Парме и Пьяченце таких кадров в необходимом количестве попросту не было. Но это имело свои преимущества, так как и с проблемой местного республиканского радикализма и регионального «патриотизма» в Парме французские власти никогда не сталкивались.

Ситуация в Парме и Пьяченце определенно имела свою специфику, но это не дает оснований говорить о том, что пример данного небольшого государства, а впоследствии департамента, совершенно уникален. Весьма схожая политика проводилась в период наполеоновского господства и в других регионах Апеннинского полуострова, например, с 1800 г. – в Пьемонте и Цизальпинской республике, с 1805 г. – в бывшей Лигурийской республике, с 1809 г. – в бывшем Папском государстве, с 1805 г. – в Неаполитанском королевстве. Включение бывших самостоятельных итальянских государств в орбиту или в состав Французской империи приводило в сфере экономических и хозяйственных отношений к схожим результатам: одни из отраслей развивались более или менее успешно, другие же приходили в полный упадок. Это происходило как по причине введения Континентальной блокады, так и в связи с мелочной опекой со стороны Парижа. В сфере государственного строительства пример Пармы также выглядит вполне типичным случаем переноса административных, судебных и полицейских институтов на итальянскую почву. Можно ли, принимая во внимание вышесказанное, говорить о департаменте Таро как о своеобразной «лаборатории» имперской политики, если все

привнесенные сюда институты и все «новации» уже были многократно апробированы и отработаны французами в других регионах Европы? Представляется, что в случае с бывшим Пармским герцогством ситуация выглядела все же иначе: в стратегическом отношении территория эта надежно, несмотря на спорадические волнения, контролировалась, но по политическим и дипломатическим причинам, отложен был только вопрос о завершении ее политической реорганизации и присоединении к Франции. А все, что было сделано здесь французской военной и гражданской администрацией после 1802 г., исполнялось по уже хорошо известным сценариям. В таком случае и восстание 1805–1806 гг. вряд ли может считаться главным рубежным моментом, хотя оно и несколько ускорило запущенный еще в 1802 г. процесс.

Публикация хорошо фундированной и обстоятельной монографии Харсаны о Парме в годы наполеоновского господства представляется важным событием в современной историографии и заслуживает особого внимания. Этот новый взгляд на историю периферийных регионов Французской империи развивает историографические тенденции последних десятилетий и во многом уточняет уже известную концепцию «культурного империализма» Вульфа, в рамках которой сегодня работают многие зарубежные историки. Благодаря подобным региональным историческим исследованиям эта концепция приобретает законченный вид и позволяет переходить к более широким обобщениям, не замыкаясь в рамках одной только национальной исторической традиции.

REFERENCES

- Agnoli F. M.* Guida introduttiva alle Insorgenze Contro-Rivoluzionarie in Italia durante il dominio napoleonico (1796–1815). Milano, 1996.
- Benassi U.* Storia di Parma da Pier Luigi Farnese a Vittorio Emanuele II (1545–1860). Parma, 1907.
- Broers M.* The Police and the Padroni: Italian Notabili, French Gendarmes and the origins of the Centralized State in Napoleonic Italy // *European History Quarterly*. 1996. Vol. 26. P. 331–353.
- Broers M.* Napoleonic Imperialism and the Savoyard Monarchy 1773–1821: State Building in Piedmont. Lewiston, New York, 1997.
- Broers M.* The Politics of Religion in Napoleonic Italy. The War against God, 1801–1814. New York, 2002.

- Broers M.* Centre and Periphery in Napoleonic Italy: The Nature of French Rule in départements réunis, 1800–1814 // Collaboration and Resistance in Napoleonic Europe. Ed. by M. Rowe. Basingstoke, 2003. P. 55–73.
- Broers M.* The Napoleonic Empire in Italy 1796–1814. Cultural Imperialism in a European Context? Basingstoke, 2005.
- Broers M.* The Napoleonic Mediterranean. London, New York, 2017.
- Capra C.* L'età rivoluzionaria e napoleonica in Italia 1796–1815. Torino, 1978.
- Davis J. A.* Naples during the French “decennio”: a problem unresolved? // Villes et territoire pendant la période napoléonienne (France et Italie). Rome, 1987. P. 327–354.
- Davis J. A.* The impact of French rule in the Kingdom of Naples (1806–1815) // Ricerche storiche. 1990. 20. P. 367–407.
- Davis J. A.* The Mezzogiorno and Modernization: changing Contours of Public and Private during the French Decennio // Fra storia e storiografia: Scritti in onore di Pasquale Villani. A cura di P. Macry and A. Massafra. Bologna, 1994. P. 691–708.
- Feliciati P.* Arrivano i Francesi! Gli stati parmensi dal 1795 al 1814 // L'Ossessione della memoria. Parma settecentesca nei disegni del conte Alessandro Sanseverini. A cura di M. Dall'Acqua. Parma, 1997. P. 24–32.
- Folle controrivoluzionarie: Le insorgenze popolari nell'Italia giacobina e napoleonica. A cura di A.M. Rao. Rome, 1999.
- De Francesco A.* L'Italia di Bonaparte. Politica, statualità e nazione nella penisola tra due rivoluzioni, 1796-1821. Torino, 2011.
- Frasca F.* La conscription dans les départements piémontais de l'Empire français (1800-1810) // Mélanges de l'École française de Rome. Italie et Méditerranée. 1990. T. 102. №1. P. 211–221.
- Grab A.* Army, State, and Society: Conscription and Desertion in Napoleonic Italy (1802-1814) // The Journal of Modern History. 1995. Vol. 67. № 1. P. 25–54.
- Grab A.* State Power, Brigandage and Rural Resistance in Napoleonic Italy // European History Quarterly 1995. Vol. 25. P. 39–70.
- Grab A.* From the French Revolution to Napoleon // Italy in the Nineteenth Century. Ed. by J. A. Davis. Oxford, 2000. P. 25–50.
- Grab A.* Napoleon and the Transformation of Europe. Basingstoke, New York, 2003.
- Harsanyi D. P.* French Rule in the States of Parma, 1796–1814. Working with Napoleon. London, 2022.
- Hicks P.* Doina Pasca Harsanyi. French Rule in the States of Parma, 1796-1814. Palgrave Macmillan, London, 2022 // Napoleonica the journal.

2022. Vol. 1. Issue 1. (September). P. 171-175. URL: <https://www.cairn-int.info/journal-napoleonica-the-journal-2022-1-page-171.htm> (Дата обращения 20.03.2024).
- Italia Napoleonica: dizionario critico. A cura di L. Mascilli Migliorini. Torino, 2011.
- Montagna L. Il dominio Francese a Parma 1796–1815. Piacenza, 1926.
- Rao A.-M. Napoleonic Italy: old and new trends in historiography // Napoleon's Empire European Politics in Global Perspective / Ed. by U. Planert. Basingstoke, New York, 2016. P. 84-97.
- Paltrinieri V. I moti contro Napoleone negli Stati di Parma e Piacenza (1805–1806). Con altri studi storici. Bologna, 1927.
- Della Peruta F. Esercito e società nell'Italia napoleonica. Milano, 1988.
- Viglione M. Rivolte dimenticate. Le insorgenze degli italiani dalle origini al 1815. Roma, 1999.
- Villani P. «Il decennio francese» // Rao A.M., Villani P. Napoli 1799–1815: Dalla repubblica alla monarchia amministrativa. Napoli, 1995. P. 179–298.
- Wolf S. J. A History of Italy 1700-1860: The Social Constraints of Political Change. London, 1979.
- Zaghi C. L'Italia di Napoleone dalla Cisalpina al Regno. 2 vol. Torino, 1986.

Митрофанов Андрей Александрович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Государственный академический
университет гуманитарных наук
119049, Москва, Мароновский переулок, 26
старший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334 Москва, Ленинский пр-т, 32а
e-mail: paxgallica@gmail.com

Andrey Mitrofanov

PhD (History), Senior Researcher
State Academic University
for the Humanities
26 Maronovskiy pereulok
119049, Moscow, Russia
Senior Researcher
Institute of World History
the Russian Academy of Sciences
32a, Leninski Ave.,
119334 Moscow, Russia
e-mail: paxgallica@gmail.com
Resercher ID: J-8249-2017
ORCID 0000-0002-8480-5345
Scopus ID: 57221665172